

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-40-50
УДК 81'373.7

Компонент «дерево» в семантической структуре устойчивых сравнений русского языка

Екатерина Васильевна ОГОЛЬЦЕВА ✉

Московский педагогический государственный университет
119991, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1
✉ tertiumcomp@mail.ru

Аннотация. Дан анализ семантической структуры устойчивых сравнений с компонентом «дерево» и его производными. Устойчивые сравнения рассматриваются как особые фразеологизмы – воспроизводимые языковые единицы с образным компаративным значением. Показано, что разные структурные модели подобных фразеологизмов образуют некое семантическое единство – своего рода «компаративное гнездо». Привлекая большое количество контекстов, иллюстрирующих типовые ситуации употребления устойчивых сравнений с компонентом «дерево», сделан вывод, что формальное варьирование их образной основы предопределяет разнообразие семантических нюансов, которые оказываются значимыми на прагматическом уровне. Использование метода анализа словарных дефиниций и контекстуального анализа даёт возможность, во-первых, существенно дополнить и уточнить научные результаты, полученные специалистами в области лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, а во-вторых, наметить пути систематизации русской компаративной фразеологии, занимающей важное место в экспрессивном фонде русского языка. Рассматривая образно-символические смыслы, группирующиеся вокруг лексемы «дерево», важно разграничивать два взаимосвязанных значения: «многолетнее растение» и «древесный материал, древесина». Система значений устойчивых сравнений русского языка с компонентом «дерево» базируется на семантических признаках «твёрдый», «жесткий», «неэластичный», характеризующих второе значение. Иными словами, лексема «дерево» в русском языке является репрезентантом не только растительного, но и вещественного кода культуры.

Ключевые слова: устойчивое сравнение; компаративный фразеологизм; семантика; прагматика; образ; образное значение; компаративное гнездо; языковая картина мира; код культуры

Для цитирования: Огольцева Е.В. Компонент «дерево» в семантической структуре устойчивых сравнений русского языка // Нефилология. 2021. Т. 7, № 25. С. 40-50. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-40-50

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

Component “tree” in the semantic structure of stable comparisons of the Russian language

Ekaterina V. OGOLTSEVA ✉

Moscow Pedagogical State University
Building 1, 1 Malaya Pirogovskaya Str., Moscow 119991, Russian Federation
✉ tertiumcomp@mail.ru

Abstract. The work analyzes the semantic structure of stable comparisons with the “tree” component and its derivatives. We consider stable comparisons as special phraseological units - reproducible linguistic units with figurative comparative meaning. We show that different structural

models of such phraseological units form some semantic unity – “comparative nest”. We draw a large number of contexts that illustrate typical situations of using stable comparisons with the “tree” component, we conclude that the formal variation of their figurative basis determines the variety of semantic nuances that are significant at the pragmatic level. The use of the analysis method of dictionary definitions and contextual analysis makes it possible, firstly, to significantly supplement and clarify the scientific results obtained by specialists in the field of cultural linguistics and cognitive linguistics, and secondly, to outline ways of systematizing Russian comparative phraseology, which occupies an important place in the expressive fund of Russian language. When considering the figurative and symbolic meanings grouped around the lexeme “tree”, it is important to distinguish between two interrelated meanings: “perennial plant” and “woody material, wood”. The system of meanings of stable comparisons of the Russian language with the “tree” component is based on the semantic features “hard”, “rigid”, “inelastic” that characterize the second meaning. In other words, the lexeme “tree” in Russian language is a representative not only of the plant, but also of the material code of culture.

Keywords: stable comparison; comparative phraseological unit; semantics; pragmatics; image; figurative meaning; comparative nest; linguistic world-image; culture code

For citation: Ogoltseva E.V. Komponent «derevo» v semanticheskoy strukture ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka [Component “tree” in the semantic structure of stable comparisons of the Russian language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 40-50. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-40-50 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Образные значения слова *дерево* неоднократно становились объектом внимания лингвистов. При этом исследователей интересуют преимущественно лишь два ракурса его семантики: 1) образные ассоциации, связанные с «деревом» как гиперонимическим наименованием большого класса многолетних растений; 2) образный потенциал конкретных деревьев – представителей ландшафта, типичного для той или иной местности, страны. В последнем случае подвергаются анализу гипонимы – названия конкретных пород деревьев: *клёна, дуба, липы, берёзы, осины, рябины* и др. Совокупность образных и символических смыслов, группирующихся вокруг этих наименований, квалифицируется как эстетическая и культурная ценность. Так, в монографии И.С. Куликовой «флоризмы» в целом и названия деревьев в частности рассцениваются как знаки художественных и языковых концептов. Уделено внимание и гиперониму *дерево* как объекту поэтической рефлексии в произведениях Н. Заболоцкого и М. Пришвина [1].

Другие авторы посвящают свои исследования непосредственно «арбонимам», усматривая в их системной организации признаки «семантического поля», в рамках которого функционируют как лексические, так и фра-

зеологические единицы. Так, О.Б. Абакумова выявляет «прототипические деревья» в русской и английской лингвокультурах и сопоставляет связанные с ними коннотации, используя при этом как метод ассоциативного эксперимента, так и анализ зафиксированных в словарях переносных значений арбонимов, мотивированных ими производных слов, устойчивых выражений с «древесными образами» [2].

Исследователи относят «дерево» к древнейшим концептам славянской мифологии (см., в частности, [3]). Характеризующийся яркой национально-культурной спецификой, этот концепт богато представлен и в произведениях фольклора, и в идиоматике, и в авторской поэзии многих языков мира [4; 5]. В последние два десятилетия появился целый ряд работ, посвящённых воплощению растительного (вегетативного) кода русской культуры в системе фразеологизмов и устойчивых сравнений русского языка. В этих исследованиях, как правило, уделяется внимание и «дереву» как одному из флористических образов, при этом исследуются прежде всего образные и символические смыслы конкретных представителей растительного «древесного» мира [6–9].

Однако очевидно, что заслуживает глубокого внимания и другой, «вещественный» аспект семантической структуры слова **дерево**, который в функционально-прагматическом плане столь причудливо смешивается с аспектом «растительным», что их, оказывается, трудно отделить друг от друга. На наш взгляд, как раз эта амбивалентность «дерева живого» и «дерева мёртвого» (дерева-материала) недостаточно учитывается учёными, которые исследуют концепт «дерево» в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах. Между тем вполне достаточно оснований рассматривать «дерево» и как репрезентант «вещественного кода культуры»¹. В этом качестве существительное *дерево* особенно ярко проявляет себя в структуре устойчивых сравнений (далее УС). Ассоциации, которые вызывают устойчивые сравнения с образной основой «дерево» (и её вариациями), тоже соотносятся со стереотипами, так или иначе отражающими ментальность людей, по языку и культурным ценностям относящих себя к русским [11].

По сведениям лексикографических источников, в русскоязычных текстах функционируют четыре устойчивые компаративные структуры с образным ядром (компонентом В) «дерево»: *как (словно, точно) дерево; как (словно, точно) деревянный; как (словно, точно, будто) одеревенел(-а, -о, -и), как (словно, точно, будто) деревяшка(-и)* [12; 13]. Заметно явное семантическое родство этих фразеологических единиц, которое детерминируется единством образной основы: ядерные компоненты всех перечисленных компаративных структур связаны между собой отношениями производности. Так, они регулярно выражают состояние физической неподвижности рук и (или) ног человека, а также всего его корпуса, отсутствие мимики – вследствие болезни, крайней усталости либо морального страдания: *В автобусе было тесно, жарко. Со всех сторон меня толкали и кричали: – Стал, как дерево. Что задумался? Сходишь на следующей?* (С.В. Сартаков.

Не отдавай королеву)²; *На других я ору, но тебе, так и быть, открою секрет: гаркать не надо, говори отчётливо и не заходи слева. Понял? Садись. – И, видя, что Туровцев медлит, прикрикнул: – Ну что стоишь как деревянный? Адмирала никогда не видел?* (А.А. Крон. Дом и корабль).

В семантике целого ряда компаративных единиц значение «физическая неподвижность» непосредственно связано с признаками твёрдости, жёсткости, негибкости, неэластичности; особенно ярко эти признаки проявляются в семантике УС *как деревяшка (как деревяшки)*: *Руки становятся как деревянные, колени, кажется, уж никогда не разогнёшь... – мороз 30 градусов. А надо ещё с помощью динамометров определить сопротивление снега на сдвиг и разрыв.* (В.А. Чивилихин. Пёстрый камень); *– Здорóво. – И Степан подал короткую, твёрдую, как деревяшка, руку.* (Ю.Ф. Галкин. Будний круг). По сведениям «Словаря сравнений русского языка» В.М. Мокиенко, УС *как деревяшка* употребляется в основном по отношению к рукам или ногам человека, «потерявшим чувствительность от холода или от усталости» [13, с. 98].

Этот же признак («омервление» конечностей, утрата ими гибкости, присущей живому организму), могут выражать и другие единицы данного «компаративного гнезда». Например, УС *как (словно, точно) дерево* чаще всего характеризует именно твёрдые, жёсткие, крепкие, загрубевшие от работы, не гнущиеся от усталости или от болезни руки, ладони, пальцы, реже – ноги, пальцы ног, ступни и т. д.: *Уже больше года он не при-трагивался к ружью и совершенно растерял сноровку. При мысли о том, что ему сейчас придётся преодолеть целый ряд сложных и быстрых движений, – а пальцы мертвы и негибучи, как дерево, – он почувствовал себя скверно до самой последней степени.* (С. Голубов. Сотворение мира). Несколько реже это сравнение употребляется по отношению к другим частям тела, при этом признаки «твёрдый», «жёсткий» совмещаются с

¹ На целесообразность детального рассмотрения «вещественного кода культуры», в том числе в сопоставительном плане, в последнее время указывают некоторые лингвисты [10].

² В статье использован материал картотеки Словаря устойчивых сравнений русского языка В.М. Огольцева [12], а также примеры из Национального корпуса русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.07.2020).

уже отмеченными выше смежными признаками:

– «нечувствительный»: *Я дотрагиваюсь до уха; оно твёрдое, как дерево, и совсем бесчувственное* (Г.К. Хохлов. Гренада);

– «неподвижный»: *Холодный пот струился по его лицу, язык во рту сделался сух и неподвижен, как кусок дерева* (А.И. Куприн. Молох).

Что касается УС *как деревянный*, то оно чаще всего характеризует неподвижное положение человека, его корпуса в целом: сидеть/стоять *как деревянный*: *Весовицков сидел на стуле прямо, точно деревянный, упираясь ладонями в колена, и его рябое лицо без бровей, с тонкими губами, было неподвижно, как маска* (М. Горький. Мать). Несколько реже это сравнение выступает как характеристика движения человека или животного – неосознанного, машинального, автоматически-однообразного: *Митя как деревянный выходил к чаю, к обеду, потом опять шёл к себе и опять ложился <...>* (И. Бунин. Митина любовь). *И дедушка начал стегать кобылёнку и по крупу, и по ногам. Кобылёнка задрожала, мотнула головой и вдруг запрыгала по двору, как деревянная* (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

Компаративные фразеологизмы *как дерево* и *как деревянный* выступают в текстах как средства образного выражения весьма существенной детали психологического портрета человека, находящегося в состоянии душевного оцепенения, глубокого эмоционального потрясения. Неподвижность и неестественная прямизна спины, негнущиеся конечности, лицо, лишённое мимики, – эти признаки нередко оказываются ядерными в структуре портретного описания.

Несколько реже эти УС выступают как характеристики продуктов питания, чаще всего мясных или рыбных: *Подали ветчину, жёсткую, как дерево, с крепким запахом только что вымазанного колеса. Ну, делать нечего – надо же что-нибудь есть* (В.А. Слепцов. Владимирка и Клязьма); *Особенно жалел старик, когда летним делом, в петровки, убивал оленя: свежее мясо портится скоро, – два дня поешь оленины, а потом – бросай! Сушёная оленина – как дерево* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Зимовье на Студёной); *Щуки здоровые есть, как брёвна. А*

мясо у ней уже не то, правда что как деревянное, и тиной отдаёт. У нас их даже свиньям скормливают (В.Г. Распутин. Вниз и вверх по течению).

По нашим наблюдениям, компаративные фразеологизмы *как дерево, как деревянный, как деревяшка* могут употребляться и по отношению к предметам обуви по признакам 1) «твёрдый, неэластичный» (чаще всего под воздействием сильного холода, мороза) и 2) «стучать, издавать характерный стук при ходьбе»: *Время от времени он яростно тёр перчаткой нос, щёки и уши и притоптывал ногами в отвердевших, стучавших, как дерево, калошах* (А.А. Бек. Почтовая проза); *Не успевал самовар закипеть, как на крыльце гремела щеколда, знакомо топали подмороженные, точно деревянные, валенки, распахивалась настежь дверь, и в клубах холодного пара, словно верхом на облаке, влетали сыновья* (В. Смирнов. Сыновья); *В хату ввалились засыпанные снегом мой ездовой Борисенко и проводник пан Янек. Они, как деревяшками, колотили по полу промерзшими валенками* (И.И. Бережной. Два рейда).

Интересно, что УС *как деревянный (-ая, -ое)* чаще, чем остальные сравнения, употребляется по отношению к мёртвому телу человека (животного), чаще всего замёрзшего или убитого: *– Не словили, а согнали. Разница. Посмотрите. Кирпачев взял зайца за задние ноги. Тушка флажком держалась в поднятой руке, не гнулась, как деревянная* (А.А. Ливеровский. Охоты Локтева. Пятый в машине); *Когда солдаты их подняли [замёрзших женщину и мальчика], они не разогнулись. Солдаты раскачали и бросили в грузовик женщину с подогнутыми ногами. Она стукнулась о старика, как деревянная. Потом солдаты раскачали и легко бросили мальчика с подогнутыми ногами. Он стукнулся о женщину, как деревянный, и даже немного подскочил* (В. Катаев. Отче наш).

Характерной особенностью всех рассматриваемых нами компаративных моделей является их широкое использование для образного выражения состояния человека (прежде всего душевного). Показательно, что основная, прототипическая модель *как дерево* используется в этой функции реже остальных. Остальные же структурные типы употребляются в этом качестве вполне регу-

лярно. Особенно широким семантическим диапазоном в плане выражения самых разнообразных нюансов душевного состояния обладает УС *как деревянный*. Это УС чаще всего выражает состояние глубокой отрешённости, полной безучастности, погружённости человека в тяжёлое переживание при отсутствии плача, крика и других «явных» признаков горя: *На четвёртый день ребёнок умер. И сёстры понесли его на кладбище хоронить. Маргарита не плакала. Она двигалась машинально и была как деревянная. Но делала всё, что ей говорила сестра* (М. Зощенко. *Никогда не забудете*); *Изрезал лекарь Дёмушку, / Циновочкой прикрыл / Я словно деревянная / Вдруг стала: загляделась я / как лекарь руки мыл...* (Н.А. Некрасов. *Кому на Руси жить хорошо*).

Это же сравнение может употребляться и для выражения душевной чёрствости, равнодушия, отсутствия внешней реакции на происходящее (в частности, на чьи-либо слова, увещевания, на чужую беду): *Да нет, – надежда плоха [на замужество]: вот теперь я распинаюсь, а ведь она смотрит как деревянная; наградил же меня господь за мои прегрешения куклой вместо дочери* (А.И. Герцен. *Кто виноват?*); *Она [Юлия] взяла его [Александра] за руку и – опять полилась нежная, пламенная речь, мольбы, слёзы. Он ни взглядом, ни словом, ни движением не обнаружил сочувствия, – стоял точно деревянный, переминаясь с ноги на ногу* (И.А. Гончаров. *Обыкновенная история*). Характерны наиболее типичные компоненты контекста, «поддерживающие» в подобных случаях семантику состояния: наречие-эпитет «*машинально*», метафоры «*кукла*», «*истукан*», «*изваяние*», «*мёртвый(-ая)*», «*мертвец*», сравнение «*точно застыл(-а)*».

Эмоциональная «закрытость» человека обычно сопряжена с молчаливостью, замкнутостью, неприветливостью: *Вошла Володина мать и стала у двери, прямая, молчаливая, тоже неприветливая. Хорошо Светлана сказала про неё: «Понимаешь, Катя, она вся, вся как деревянная!»* (Н.М. Артюхова. *Мама*); *Сонька плелась за матерью с равнодушной покорностью и ни разу даже не спросила, куда и зачем они идут. Такая уж она выросла, точно деревянная* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. *Крупицкая*).

Наконец, УС *как деревянный* широко употребляется для выражения неловкости, скованности движений – внешних проявлений, которые могут быть связаны с душевным состоянием или с природной застенчивостью: *Заведя руку за спину, он круто повернулся и, весь как деревянный, с поднятыми плечами, пошёл между могил* (А.Н. Толстой. *Хождение по мукам*); *Вести Анну в танце было легко и удобно. Но раздражала её привычка на первом па подаваться к партнёру. Алексей придержал талию Анны большим пальцем, отведя в сторону ладонь. Она заметила это. – Вы всегда держитесь, как деревянный?* (Т.И. Дрёмова. *Ключи Семигорья*).

УС *как деревяшка* (так же как и метафора «*деревяшка*») используется главным образом для передачи многочисленных нюансов человеческих состояний и связанных с ними особенностей поведения. Например, в следующем контексте это сравнение явственно передаёт отсутствие чувства собственного достоинства, покорное смирение: *[Клеопатра Сергеевна:] Ты меня разлюбил!.. Я тебе в тягость нравственно и материально, и ты требуешь, чтобы я, как деревяшка какая-нибудь, ничего бы этого не понимала и продолжала тебя обременять собой* (А.Ф. Писемский. *Ваал*). Иногда метафора «*деревяшка*» употребляется в одном контексте с метафорой «*дерево*» (о человеке) и её ближайшим образным синонимом «*лёд*», столь же ярким выразителем душевной холодности, равнодушия: *– Лёд! Дерево! – заговорила княжна по уходе доктора. – Это ужасно! Смеяться не умеет, деревяшка такая!* (А.П. Чехов. *Цветы запоздалые*).

В. Одоевский в одном из эссе сборника «*Русские ночи*» даёт подробную расшифровку устойчивой метафоры «*деревяшка*» («*клички*», как её именует автор): «*Сухой педант в нашем языке чрезвычайно верно и глубоко называется деревяшкой, он, совершенно с своею кличкою, никого не любит, ничему не сострадает, ни в чём не раскаивается* (В. Одоевский. *Русские ночи*). «Человек-деревяшка» вроде лишён явных отрицательных черт, но в русском языковом сознании он неизменно вызывает неприятие и настороженность: *– Злые, что ли? – Подхватил я. – Нет, не злые: деревянные какие-то. А впрочем, я не могу на них жаловаться. Сосе-*

ди есть: у помещика Касаткина дочь, образованная, любезная, добрейшая девица... Не гордая (И.С. Тургенев. Записки охотника. Смерть).

Метафора «*деревяшка*» в ситуациях непонимания, недоумения по поводу чьего-либо равнодушия (при эмоциональном неприятии подобного поведения) часто употребляется в сочетании с прилагательным-эпитетом «*равнодушный*», с местоимениями «*эдакая*», «*какая-то*», а также в одном контексте с существительными «*чурка*», «*чурбан*» и прочими компонентами контекста, усиливающими отрицательную коннотацию: – *Воображаю себе, как бы вы за мною ухаживали. Да Вы бы меня с голоду уморили. – Вы это потому так говорите, Александра Павловна, что не знаете меня... Вы думаете, что я чурбан, чурбан совершенный, **деревяшка** какая-то <...>* (И.С. Тургенев. Рудин); – *Вы считаете возможным разрешать серьёзные вопросы дракой? – Нет, я не за драку. Но уж лучше драчун, чем равнодушная **деревяшка*** (Ф.А. Вигдорова. Черниговка).

Представляют интерес некоторые нюансы семантики и закономерности функционирования устойчивого сравнения с образом В-глаголом *как одеревенел*, а также его варианта *как одеревенелый*. Согласно Словарю устойчивых сравнений русского языка, эта компаративная единица характеризуется двумя значениями: '1. Утратил чувствительность, подвижность. О членах, частях тела человека.<...> Син.: *как ватный, как деревянный, как не свой, как чужой*. 2. Утратил восприимчивость, стал равнодушным, безучастным. Син.: *словно окаменел, словно окостенел, словно оцепенел*' [12, с. 424-425].

В Национальном корпусе русского языка (основной подкорпус) мы обнаружили около 12 примеров УС с компонентом «одеревенел» в следующих формальных вариациях: *словно одеревенел, будто одеревенел, точно одеревенел, как будто одеревенел, как бы одеревенел*. Примечательно, что данное УС практически не употребляется с «классическим» показателем компаративных отношений – союзом «как», что, по-видимому, не случайно: образ, выраженный глагольной лексемой, передает гипотетическую, заведомо ирреальную ситуацию: *Марвич бездумным взглядом смотрел на дымный свет фар,*

на холодный туман и острые пики елей, он словно одеревенел и перестал себя ощущать, но вдруг вздрогнул, почувствовав, что водитель косится [В. Аксенов. Пора, мой друг, пора]; *Надо сказать, когда происходила расправа, я стоял, не шелохнувшись, **точно одеревенел**, и если бы захотел издать крик, то вряд ли смог бы – шок надёжно закупорил мне горло* (М. Елизаров. Библиотекарь); *Я, конечно, живу в постоянной тревоге, играю по самой маленькой и чего-то жду, рассчитываю, стою по целым дням у игорного стола и наблюдаю игру, даже во вне вижу игру, но при всём этом мне кажется, что я **как будто одеревенел**, точно застряв в какой-то тине* (Ф.М. Достоевский. Игрок).

Как правило, такие УС выражают психологическое состояние душевного оцепенения, связанное с глубоким горем: *Бурмот после смерти отца **словно одеревенел** – больше никто не услышал от него ни слова* (А. Иванов. Сердце Пармы); *Впрочем, его и не спрашивали в эти скорбные часы о подробностях, по крайней мере, я и Анна Петровна: я **точно одеревенел** и превратился в истукана в это страшное время; Анна Петровна, казалось, сошла с ума буйным помешательством, крича, что я убил её дочь* (А.К. Шеллер-Михайлов. Вешние грозы). Такое душевное состояние часто сопровождается неподвижностью, скованностью движений, застывшим лицом-маской и потерей дара речи.

Кроме того, состояние «одеревенелости» связано с утратой сознания, загуманиванием мыслительных способностей, когда человек не помнит себя и с трудом может анализировать события: *Я прочитал в газете такой факт, что вдруг **как бы одеревенел** и сразу перестал понимать решительно всё* (Г.И. Успенский. Из разговоров с приятелями); *Расстервенившийся Илюшка ничего не сознавал, – он **точно одеревенел**, вцепившись в обидчика* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Три конца).

Встречаются интересные случаи авторского раскрытия образа, таящегося в семантике производного глагола, через «расшифровку» внутренней формы или путём противопоставления (антитезы): *С этой минуты Иван Иванович лишился дара речи и даже **как бы одеревенел**: двигался, но не как живой, а как вырезанный из дерева* (С. Шаргу-

нов. Ура!) Любопытно, что *одеревенелый* (*одеревеневший*) – это как бы «мёртвый», противопоставленный всему «живому».

Реже компаративное значение УС *словно* / *точно* / *будто* / *как будто одеревенел(-а)* определяется ситуацией холода, физического «замерзания»: *С трудом я залезаю в сани, под кибитку, на медвежью полость и сено, меня укутывают сверху, а я словно одеревенел, вижу только красные просветы во тьме от наших окон, тёмные фигуры около кибитки и иногда чуть освещённое лицо матери, слышу голос отца, убеждающего её: «Анюта, не простудись, ты бы хоть шаль накинула»* (Е.А. Гагарин. Поездка на святки).

Так же как и УС *как дерево, как деревянный, как деревяшка*, компаративный фразеологизм *словно (точно, будто) одеревенел* часто выражает признак душевной глухоты, бесчувствия, невосприимчивости к словам и оценкам окружающих: *Я вас вот как покоить буду! Но он словно одеревенел. Даже не выслушал порядком Галочкиных слов и грубо ответил. <...>* (М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города); *Каширин не мог не знать, что этого ему никогда не простят, но он словно одеревенел и продолжал посещать «друзей» по-прежнему* (М.Е. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности. Старческое горе).

Вариант с образом В, выраженным отглагольным прилагательным – *как (точно, будто) одеревенелый* – встречается в текстах значительно реже и употребляется в основном в тех же значениях, что и УС *как (словно, точно) одеревенел*.

1) Физическое состояние замёрзшего, окостеневшего от холода человека: *А двигаешься медленно, не то что на лыжах, и когда приходит положенное время отогреваться, вваливаешься в кабину машиниста как одеревенелый куль* (А. Лехмус. Солдат – везде солдат). В данном случае УС выступает с трансформированном варианте: прилагательное «одеревенелый» не является самостоятельным компонентом В, а представляет собой лишь зависимый элемент по отношению к определяемому существительному «куль». По существу, имеет место контаминация двух УС: *как (словно, точно) куль <с зерном, мукой, овсом>* ('1. Сваливаться, валиться, падать – тяжело, инертно. О челове-

ке') [12, с. 305] и *как одеревенелый* ('1. Утратил чувствительность, подвижность. О членах, частях тела человека') [12, с. 424].

2) Психологическое состояние человека, утратившего восприимчивость, ставшего безучастным, безучастным (нередко вследствие глубокого потрясения): *События, случившиеся этой весной, отравили мою душу, и я сейчас стою, как одеревенелый* (Г. Гачев. Господин Восхищение (повесть об отце)).

Совершенно очевидно, что анализируемые нами устойчивые компаративные структуры, несмотря на общность исходного образа-субстанции («дерево»), не являются дублетами: они не могут рассматриваться как проявление некоей избыточности в языке. Выступая как синонимы во многих коммуникативных ситуациях, они характеризуются и индивидуальными семантико-прагматическими свойствами. Н.В. Черемисина, отмечая парадоксальное стремление языка к стандарту и экспрессии, к экономии и избыточности, к устойчивости и динамике, подчёркивает важность фактора **варьирования** на разных уровнях для сохранения прочности и долговечности всей системы: «Варьирование, всегда связанное с выражением новых смыслов (жанровых, образно-характеристических, словесных, фразеологических и т. п.), есть ПОБЕДА СЕМАНТИКИ над ФОРМОЙ (симметричной). <...> Симметрия прагматически полезна и необходима. Но в процессе функционирования системы возникает потребность <...> также и в построениях асимметричных» (выделено Н.В. Черемисиной) [14, с. 62].

Отметим любопытную особенность: в рассмотренных нами **языковых** компаративных моделях образному переосмыслению подвергается прежде всего второе значение существительного «дерево» '<...> 2. Только ед. ч. Древесный материал, идущий на изделия, постройки; древесина'¹. «Дерево» ассоциируется не с живой природной реальией, а, скорее, с мёртвым материалом (жёстким, твёрдым, не способным гнуться).

Первое же значение '1. Многолетнее растение с твёрдым стволом и ветвями, образующими крону'² используется главным

¹ Словарь русского языка: в 4 т. М.: Изд-во «Русский язык», 1981–1984. Т. 1. С. 388.

² Там же.

образом в составе индивидуально-авторских (свободных) сравнений. При этом совершенно непредсказуемо, какой именно признак дерева-растения окажется актуальным в том или ином авторском контексте. Ср.: *И почему один всю жизнь на месте – как дерево, а другой – как пережати-поле?* (Г.Л. Немченко. Цыганский отпуск); *В автобусе было тесно, жарко. Со всех сторон меня толкали и кричали: – Стал, как дерево. Чего задумался? Сходишь на следующей?* (С.В. Сартаков. Не отдавай королеву). В обоих случаях семантика авторских компаративных структур опирается на признак неподвижности, который, однако, проявляется по-разному: в первом примере УС *как дерево* – характеристика образа жизни в целом, во втором – характеристика поведения человека в конкретной ситуации. В авторских сравнениях с образом дерева-растения часто встречаются уточняющие компоненты, синтаксически зависимые от компонента В – согласованные прилагательные либо предложно-падежные формы существительных. При этом образ сравнения может выступать во множественном числе, поскольку слово «дерево» в подобных случаях ведёт себя уже не как название материала (*singularia tantum*), а как конкретное существительное: *Стоит олень, голоду поднял, на охоту оглядывается, будто ждёт чего-то. <...> Морда тонкая, умная; рога, как дерево ветвистое, от конца до конца целая сажень* (В. Гаршин. Сказание о гордом Аггее); *Достаточно одного человеческого экземпляра, чтобы судить обо всех других. Люди, что деревья в лесу; ни один ботаник не станет заниматься каждою отдельною берёзой* (И.С. Тургенев. Отцы и дети). Очевидно, что во всех приведённых случаях из семантической структуры существительного *дерево* «вытягивается» не вещественное, а, скорее, первое, «растительное» значение.

Анализ авторских компаративных структур, несомненно, представляет большой интерес как в аспекте развития языковых моделей сравнения, так и в плане анализа специфических черт того или иного идиостиля. Что касается процедуры сопоставительного анализа восприятия данного образа представителями разных лингвокультур, то здесь, бесспорно, на первом плане должны быть не

свободные, а общенародные единицы – компаративные фразеологизмы. В этом отношении мы полностью солидарны с Н.В. Черемисиной: «Языковая картина мира оказывается в системе различных картин мира наиболее долговечной, устойчивой, во многом (разумеется, лишь на том или ином конкретном временном срезе...) стандартной, ибо «воспроизводимы» именно стандартные ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА, ставшие УЗУАЛЬНЫМИ» (выделено автором цитаты) [15, с. 13]. Рассмотренная нами система может и должна быть дополнена целым рядом производных слов с семантикой образного сравнения, или компаративно-производных слов: *деревянный* (например, о походке человека), *деревянно* (улыбаться), *деревенеть*, *одеревенеть*, *задеревенеть* (от холода), *одеревенелый*, *задеревенелый* и т. д. Системное описание словообразовательных моделей и гнезд русского языка, в рамках которых регулярно проявляется компаративное деривационное значение, содержится в работах [16; 17].

Итак, на примере компаративного гнезда «дерево» мы попытались показать процедуру анализа средств образного выражения близких, но не тождественных смыслов. Подобное варьирование образной основы устойчивого сравнения в сфере компаративной фразеологии наблюдается регулярно и, несомненно, заслуживает более глубокого исследования. Значимость такого анализа определяется, помимо уже отмеченных выше факторов, и необходимостью системного описания места фразеологических единиц в «экспрессивном фонде» русского языка, о которой неоднократно говорили видные фразеологи нашего времени.

В целом система устойчивых сравнений с компонентом «дерево» и его производными антропоцентрична; она оказывается причастной к трём пересекающимся семантическим полям: 1) физическое состояние человека (в русском языке реализуются такие семантические признаки, как твёрдость, жёсткость; негибкость, неэластичность; холод, состояние замерзания; смерть, умирание; неподвижность или скованность движений; сонливость; 2) эмоциональное (психологическое) состояние (УС выражают такие признаки, как смущение, стеснительность; эмоциональная скованность; глубокая душевная

боль под влиянием несчастья, горя (чаще всего смерти или болезни близких); отсутствие осознанности собственных действий; шоковое, стрессовое состояние; страх; край-

нее изумление, удивление; 3) поведение (молчаливость; замкнутость; отсутствие реакции на окружающее; отрешенность от происходящих событий и их оценок).

Список литературы

1. Куликова И.С. Мир русской природы в мире русской литературы. Слова-растения в русской художественной картине мира. СПб.: Наука; САГА, 2006. 480 с.
2. Абакумова О.Б. Типологические схемы значений арбонимов и национальная специфика концептов в русском и английском языках // Чествуя филолога: к семидесятипятилетию Ф.А. Литвина. Орёл, 2002. С. 191-206.
3. Красс Н.А. Концепт «дерево» в славянской мифологии и поэзии А.С. Пушкина // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2004. № 1 (2). С. 50-55.
4. Борисова Л.В. Концепт «Дерево» как лингвокультурный код // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2014. № 1. С. 34-45.
5. Кропотухина П.В. Концептосфера «Мир растений» как объект лингвистических исследований // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 35-39.
6. Трафименкова Т.А. Фразеологизмы и устойчивые сравнения с компонентом-фитонимом как средство аксиологической характеристики человека // Известия Смоленского государственного университета. 2001. № 2. С. 218-227.
7. Рябинина М.И., Рябинина Н.В. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентами дерево / название дерева в русском, английском и немецком языках. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014. 137 с.
8. Кхонг Тху Хиен. Русские и вьетнамские фразеологизмы с названиями растений в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2019. 18 с.
9. Шаймарданова Г.М. Этнокультурная семантика фразеологизмов с названиями растений в русской и башкирской языковой картине мира // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2019. № 2. С. 134-137.
10. Чжоу Юеминь, Грязнова А.Т. Границы понятия «вещественный код» в русской языковой картине мира // Преподаватель XXI век. 2018. № 2. Ч. 2. С. 333-340.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
12. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М.: Русские словари: Астрель; АСТ, 2001. 800 с.
13. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. СПб.: Норинт, 2003. 603 с.
14. Черемисина Н.В. Симметрия/асимметрия как глубинный универсальный закон языка и в различных отраслях знания // Человек. Язык. Искусство (памяти профессора Н.В. Черемисиной): материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: МПГУ, 2002. С. 59-65.
15. Черемисина Н.В. Языковые картины мира и их семантическое взаимодействие в художественном тексте // Человек. Язык. Искусство (памяти профессора Н.В. Черемисиной): материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: МПГУ, 2002. С. 12-24.
16. Огольцева Е.В. Образное значение в системе отсубстантивной деривации (структурно-семантический аспект). М.: Флинта, 2019. 296 с.
17. Огольцева Е.В. Образный потенциал существительных – названий веществ // Информационный потенциал слова и фразеологизма: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Р.Н. Попова. Орёл, 2005. С. 232-236.

References

1. Kulikova I.S. *Mir russkoy prirody v mire russkoy literatury. Slova-rasteniya v russkoy khudozhestvennoy kartine mira* [Russian Russian World of Nature in the World of Russian Literature. Words-Plants in the Russian Artistic Picture of the World]. St. Petersburg, Nauka Publ.; SAGA Publ., 2006, 480 p. (In Russian).
2. Abakumova O.B. *Tipologicheskiye skhemy znacheniy arbonimov i natsional'naya spetsifika kontseptov v russkom i angliyskom yazykakh* [Typological schemes of values arbeninoy and national specificity of con-

- cepts in Russian and English]. *Chestvuya filologa: k semidesyatipyatiletiyu F.A. Litvina* [Honoring the Philologist: To the Seventy-Fifth Anniversary of F.A. Litvin]. Orel, 2002, pp. 191-206. (In Russian).
3. Krass N.A. Kontsept «derevo» v slavyanskoy mifologii i poezii A.S. Pushkina [The concept of the tree in the Slavonic mythology and Pushkin's poetry]. *Vestnik RUDN. Seriya «Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya» – RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 2004, no. 1 (2), pp. 50-55. (In Russian).
 4. Borisova L.V. Kontsept «Derevo» kak lingvokul'turnyy kod [Concept tree as a linguistic and cultural code]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskiye nauki – Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities: Philology Series*, 2014, no. 1, pp. 34-45. (In Russian).
 5. Kropotukhina P.V. Kontseptosfera «Mir rasteniy» kak ob'yekt lingvisticheskikh issledovaniy [Conceptual domain "Plants" as an object of linguistic study]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii – Pedagogical education in Russia*, 2014, no. 6, pp. 35-39. (In Russian).
 6. Trafimenkova T.A. Frazеологизмы i ustoychivyye sravneniya s komponentom-fitonom kak sredstvo aksiologicheskoy kharakteristiki cheloveka [Phraseological units and stable comparisons with the phytonym component as a means of axiological characterization of a person]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta – of Smolensk State University*, 2001, no. 2, pp. 218-227. (In Russian).
 7. Ryabinina M.I., Ryabinina N.V. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika frazeologizmov s komponentami derevo / nazvaniye dereva v russkom, angliyskom i nemetskom yazykakh* [National and Cultural Specifics of Phraseological Units with Components Tree / Tree Name in Russian, English and German]. Khabarovsk, Pacific National University Publ., 2014, 137 p. (In Russian).
 8. Kkhong Tkhu Khiyen. *Russkiye i v'yetsnamkiye frazeologizmy s nazvaniyami rasteniy v lingvokul'turologicheskom aspekte: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Russian and Vietnamese Phraseological Units with the Names of Plants in the Linguistic and Cultural Aspect. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Tver, 2019, 18 p. (In Russian).
 9. Shaymardanova G.M. Etnokul'turnaya semantika frazeologizmov s nazvaniyami rasteniy v russkoy i bashkirskoy yazykovoy kartine mira [Ethnocultural semantics of phraseological units with plant names in the Russian and Bashkir language picture of the world]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully* [Bulletin of Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla], 2019, no. 2, pp. 134-137. (In Russian).
 10. Chzhou Yuyemin, Gryaznova A.T. Granitsy ponyatiya «veshchestvennyy kod» v russkoy yazykovoy kartine mira [The boundaries of the concept of "substantial code" in Russian language picture of the world]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher XXI Century], 2018, no. 2, pt 2, pp. 333-340. (In Russian).
 11. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, and Linguoculturological Aspects]. Moscow, Languages of the Russian Culture Publ., 1996, 288 p. (In Russian).
 12. Ogoltsev V.M. *Slovar' ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskii)* [Dictionary of Stable Comparisons of the Russian Language (Synonymous-Antonymic)]. Moscow, Russian Dictionaries Publ., Astrel Publ., AST Publ., 2001, 800 p. (In Russian).
 13. Mokiyeenko V.M. *Slovar' sravneniy russkogo yazyka* [Dictionary of Comparisons of the Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2003, 603 p. (In Russian).
 14. Cheremisina N.V. Simmetriya/asimmetriya kak glubinnyy universal'nyy zakon yazyka i v razlichnykh otraslyakh znaniya [Symmetry/asymmetry as a deep universal law of language and in various branches of knowledge]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Chelovek. Yazyk. Iskustvo (pamyati professora N.V. Cheremisinoy)»* [Proceedings of International Research and Practice Conference "Person. Language. Art (in memory of Professor N.V. Cheremisina)"]. Moscow, MPGU Publ., 2002, pp. 59-65. (In Russian).
 15. Cheremisina N.V. Yazykovyye kartiny mira i ikh semanticheskoye vzaimodeystviye v khudozhestvennom tekste [Linguistic pictures of the world and their semantic interaction in a literary text]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Chelovek. Yazyk. Iskustvo (pamyati professora N.V. Cheremisinoy)»* [Proceedings of International Research and Practice Conference "Person. Language. Art (in memory of Professor N.V. Cheremisina)"]. Moscow, MPGU Publ., 2002, pp. 12-24. (In Russian).
 16. Ogoltseva E.V. *Obraznoye znacheneye v sisteme otsubstantivnoy derivatsii (strukturno-semanticheskii aspekt)* [Figurative Meaning in the System of Non-Substantive Derivation (Structural and Semantic Aspect)]. Moscow, Flinta Publ., 2019, 296 p. (In Russian).

17. Ogoltseva E.V. Obraznyy potentsial sushchestvitel'nykh – nazvaniy veshchestv [Figurative potential of nouns – names of substances]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati R.N. Popova «Informatsionnyy potentsial slova i frazeologizma»* [Proceedings of International Research and Practice Conference Dedicated to the Memory of R.N. Popov “Information Potential of Words and Phraseological Units”]. Orel, 2005, pp. 232-236. (In Russian).

Информация об авторе

Огольцева Екатерина Васильевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка. Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: tertiumcomp@mail.ru

Вклад в статью: концепция, основанная на идее объединения языковых единиц с семантикой образного сравнения в «компаративные гнезда»; систематизация и обработка языкового материала из личной картотеки и Национального корпуса русского языка; анализ семантики устойчивых сравнений; написание текста статьи.

Поступила в редакцию 25.10.2020 г.
Поступила после рецензирования 09.12.2020 г.
Принята к публикации 25.12.2020 г.

Information about the author

Ekaterina V. Ogoltseva, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian Language Department. Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, E-mail: tertiumcomp@mail.ru

Contribution: conception based on the idea of combining linguistic units with the semantics of figurative comparison into “comparative nests”; systematization and processing of linguistic material from a personal card index and the National Corpus of the Russian language; analysis of stable comparisons semantics; manuscript text drafting.

ORCID: 0000-0001-6439-0130

Received 25 October 2020
Reviewed 9 December 2020
Accepted for press 25 December 2020